

Неева, маленький жёрный медвежонок,
впервые увидел мир,
в котором ему предстояло жить...

ГЛАВА 1

Неева, маленький чёрный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта — на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму — в зиму рождения маленького Неевы — она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почувал и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джексона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Черчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где ещё белели остатки высоких сугробов, наметённых зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватал глаз, простирались синевато-чёрные полосы леса, мерцали озёра, ещё не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли.

Нузак, чёрная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из тёмной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к тёплому блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное — победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломлённое тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Ещё минуту назад он был окутан темнотой — и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасённых для него матерью-природой. Он ещё ничего не знал, но в нём заговорил врождённый инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение её плодами. Он сморщил бурый носишко, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался — его насторожённые ушки ловили музыку пробуждающейся земли.

Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствовавшая о том, что покой этого мирного края ещё не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество ещё незнакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чириканье воробьёв, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых ёлок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клёкот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это опасность. Нузак подняла голову и увидела тёмный силуэт: Упиок, огромный орёл, парил между землёй и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все её кости ныли, всё-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Её мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были её домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, — еле слышный рёв большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую тёплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было ещё теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрещав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулась от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущённо крякнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару.

Неева всё это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинувшись инстинкту, готов был пуститься наутёк по первому её сигналу. И теперь в его круглой смешной головёнке быстро зрел вывод, что его мать — самое удивительное существо на свете. И уж, бесспорно, самое большое, то есть самое большое из всего, что живёт и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фырканье, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рывкнул, как он рывкал на уши и патлатую шерсть Нузак в тёмной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рывкать на всё,

на что ему захотелось бы рывкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, всё равно убегали от неё.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нём крепла уверенность, что его мать — единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью — за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти всё время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чашу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что её бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-чёрными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жёсткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперёд, перебирая шестью ногами, и прищёлкивал — это прищёлкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке разыгралась воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперёд лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец.

Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошёл вперёд.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырёх дюймов¹, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца,

¹ Д ю й м — 2,54 сантиметра.

как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щёлкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос её отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. И тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе её большой тёплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него всё ещё побаливал, но медвежонка счастливее него не нашлось бы на всём свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового и если не сумел победить жука, то всё равно показал себя с самой лучшей стороны.

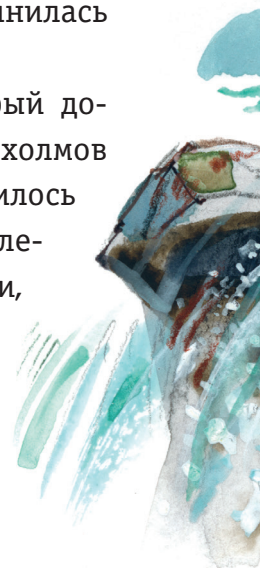

ГЛАВА 2

В эту ночь Неева перенёс жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твёрдой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжкой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалёком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далёкое, а теперь впервые он увидел, как оно встаёт над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и, пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Её большая голова была повёрнута к нему, и она довольно щурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходящее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Ещё две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далёких чёрных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели,

и он весил уже добрых шесть фунтов¹ — неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах ещё попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и первые два дня Неева всё время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Всё темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу: то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым её лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поела ещё по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьёв, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смёрзшийся ком зимующих уксусных муравьёв. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомился кислотовато-сладкими муравьями, которые показали ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились всё теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волнующую радость самостоятельной охоты. Он встретился ещё с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нём стремительно развивались черты характера, унаследованные

¹ Фунт — 0,45 килограмма.

от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца — это произошло в конце мая, — он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нём не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был чёрен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой тёплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазёнками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснёт её за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и со внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зелёном мире Неева был маленьким чёрным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он ещё видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зелёному откосу — молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьёв. Потом он вспугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда ещё кровь Суминитика не бушевала в нём с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь.

Впервые в жизни ему хотелось подраться — всё равно с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксёрские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, всё ещё морща нос и вызывающе рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Всё живое в мире боялось его матери. Всё живое в мире боялось его самого. И вот результат — юному храбрцу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснёт до самой ночи! Он заставит её окунуться в радость этого прекрасного дня или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в неё свои зубки до самых дёсен.

Раздался рёв, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и, в отличие от Нузак, утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку.

Старый медведь был не только угрюм и злобен — он к тому же особенно ненавидел медвежат.

На своём веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «уча-ном» — так индейцы-охотники называют медведей-каннибалов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рёв.

